

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174>

EDN: RQSGTC

Научная статья / Research Article

Развитие права частной собственности: сравнительный анализ

М.В. Саудаханов , Л.Т. Чихладзе

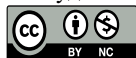
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Исследование посвящено комплексному сравнительно-правовому анализу генезиса и эволюции права частной собственности. Исследование охватывает широкий исторический период – от античности до современности – и рассматривает развитие данного института в различных правовых системах (римское право, право Древней Месопотамии и Греции, российское дореволюционное, советское и современное конституционное право, а также опыт США, Германии, Франции, Китая и других стран). Актуальность работы обусловлена фундаментальной ролью частной собственности как основы правовых систем и экономического развития, а также необходимостью выявления общих тенденций и национальных особенностей ее регулирования в настоящее время. Цель исследования – определение универсальных и специфических закономерностей развития конституционно-правовой регуляции общественных отношений в сфере частной собственности. Последовательно решаются задачи по изучению его зарождения, этапов исторического развития и современного конституционно-правового статуса. Научная новизна заключается в сочетании историко-правовой ретроспективы с синхронным сравнительным анализом, что позволяет предложить периодизацию эволюции института и сформулировать выводы о конвергенции национальных моделей. Ключевым выводом является констатация трансформации права частной собственности: из абсолютного права индивида оно эволюционировало в институт, выполняющий социальную функцию, что сопровождалось не ослаблением, а усилением его гарантий за счет развития международно-правовых механизмов защиты и деятельности органов конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционное право, история права, социальная функция собственности, экспроприация, конституционные гарантии, эволюция права, правовые системы, интернационализация права

© Саудаханов М.В., Чихладзе Л.Т., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Саудаханов М.В.* – формулирование идеи, сбор материала, анализ, систематизация и научная проработка собранных материалов, подготовка и написание рукописи; *Чихладзе Л.Т.* – рецензирование и редактирование рукописи. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 августа 2025 г.

Принята к печати: 15 января 2026 г.

Для цитирования:

Саудаханов М.В., Чихладзе Л.Т. Развитие права частной собственности: сравнительный анализ // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 1. С. 156–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174> EDN: RQSGTC

Development of Private Property Law: A Comparative Analysis

Marat V. Saudakhanov , Levan T. Chikhladze

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive comparative legal analysis of the genesis and evolution of private property law. The study covers a wide historical period – from antiquity to the present – and examines the development of this institution in various legal systems (Roman law, the law of Ancient Mesopotamia and Greece, Russian pre-revolutionary, Soviet, and modern constitutional law, as well as the experience of the USA, Germany, France, China, and other countries). The relevance of the work stems from the fundamental role of private property as the foundation of legal systems and economic development, as well as the need to identify common trends and national peculiarities in its regulation at present. The purpose of this work is to determine universal and specific patterns in the development of constitutional and legal regulation of social relations in the sphere of private property. The work sequentially addresses the tasks of studying its origin, stages of historical development, and modern constitutional and legal status. The scientific novelty lies in combining historical-legal retrospect with synchronous comparative analysis, which enables proposing a periodization of the evolution of the institution and formulating conclusions about the convergence of national models. The key conclusion of the article is the transformation of private property law: from an absolute individual right, it has evolved into an institution performing a social function, accompanied not by a weakening but by a strengthening of its guarantees through the development of international legal protection mechanisms and the activities of constitutional justice bodies.

Key words: constitutional law, history of law, social function of property, expropriation, constitutional guarantees, evolution of law, legal systems, internationalization of law

The authors' contribution: *Saudakhanov M.V.* – formulation of the idea, collection of materials, analysis, systematization, and scientific elaboration of the collected materials, preparation and writing of the manuscript; *Chikhladze L.T.* – review and editing of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 29th August 2025

Accepted: 15th January 2026

For citation:

Saudakhanov, M.V., Chikhladze, L.T. (2026) Development of Private Property Law: A Comparative Analysis. *RUDN Journal of Law*. 30 (1), 156–174. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-1-156-174> EDN: RQSGTC

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что право частной собственности выступает краеугольным камнем современных правовых систем и фундаментом экономического развития общества. Его становление и эволюция являются не только правовым феноменом, но и отражением глубинных социально-экономических, политических и культурных трансформаций. В условиях глобализации и усиления межгосударственного взаимодействия сравнительный анализ развития института частной собственности в различных правовых семьях и национальных системах приобретает особую значимость. Подобные исследования позволяют выявить общие закономерности, уникальные национальные особенности, а также тенденции конвергенции правового регулирования, что крайне важно для гармонизации международного законодательства, улучшения инвестиционного климата и развития частноправовых отношений.

Что касается степени научной разработанности, то проблематика права частной собственности является традиционной для юридической науки и широко представлена в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Значительный вклад в ее разработку внесли такие ученые, как А.В. Венедиктов, Е.А. Суханов, Б.С. Эбзеев и др. Однако несмотря на обширную литературу, посвященную как теоретическим аспектам собственности, так и особенностям ее регулирования в отдельных странах, комплексных сравнительно-правовых исследований, направленных именно на анализ исторического развития данного института в длительной ретроспективе с выделением универсальных и специфических тенденций, остается недостаточно. Большинство работ сосредоточено на догматическом анализе действующего законодательства без учета его историко-правового контекста.

Проблема исследования заключается в существующем противоречии между универсальной значимостью принципа неприкосновенности частной собственности и разнообразием путей его исторического становления, юридического оформления и современного применения в разных правовых системах.

Цель исследования – проведение сравнительного анализа генезиса и развития субъективного права в сфере частной собственности сквозь призму конституционного права с параллельным выявлением основных тенденций и перспективных моделей его дальнейшей трансформации в контексте догмы права, а также политических и экономических учений.

Для реализации указанного целеполагания предполагается разрешить следующие задачи:

- исследовать генезис частной собственности как субъективного юридического права;
- изучить этапы развития права частной собственности;
- рассмотреть право частной собственности в контексте его социального предназначения;
- проанализировать частную собственность в плоскости конституционно-правовой регуляции.

Объектом исследования выступает комплекс правоотношений, имманентно связанных с генезисом, актуальным функционированием (легитимацией и актуализацией) и механизмами правовой охраны права частной собственности. Данный механизм рассматривается сквозь призму диахронического анализа, раскрывающего его историческую трансформацию и эволюцию, а также в контексте синхронического сравнительно-правового измерения, что позволяет выявить универсальные и идиосинкразические черты в различных юридических системах.

Предметная область исследования дифференцируется на многоуровневую структуру, интегрирующую как позитивные источники права, так и доктринальные интерпретации. В ее состав входят: нормативные предписания гражданско-правовой и конституционно-правовой отраслей, формирующие фундаментальный правовой режим собственности; релевантные правовые доктрины и концепции, определяющие концептуальные основы понимания института; судебная практика (прецеденты), отражающая конкретизацию и динамику толкования правовых норм; а также корпус исторических источников права (от кодифицированных актов до правовых обычаев), детерминирующих становление и развитие данного института в ретроспективе различных право порядков.

Методологический аппарат исследования базируется на стратифицированной системе гносеологических инструментов, включающей в себя общенаучные и частнонаучные (специально-юридические) методики. К общенаучному фундаменту относятся методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также системно-структурный подход, обеспечивающий целостность восприятия объекта. Среди специальных методов познания методологический приоритет принадлежит историко-правовому и компаративистскому (сравнительно-правовому) методам, применение которых позволяет осуществить реконструкцию генезиса института и провести его кросс-культурный анализ. Дополнительный инструментарий включает формально-юридический (догматический) метод, направленный на исследование внутреннего строения правовых норм, и герменевтические методы интерпретации (телеологического, контекстуального и исторического толкования) правовых текстов, обеспечивающие аутентичное понимание их содержания.

Научная новизна исследования детерминирована реализацией комплексного, полиметодологического подхода к анализу эволюции права частной собственности. Данный подход предполагает не изолированное, а интегративное применение исторического и компаративного инструментария, что позволяет не только проследить аутохтонное развитие института в национальных правовых системах, но и выявить системные закономерности и векторы его конвергентного развития в глобальном правовом пространстве, а также смоделировать потенциальные траектории его дальнейшей трансформации. Подобная методология сочетает историческую ретроспективу с синхронным сравнительным анализом современных право порядков. В результате исследования предлагается периодизация этапов эволюции данного института, а также формулируются выводы о конвергенции национальных моделей под влиянием наднационального регулирования и экономической интеграции.

Структура статьи обусловлена логикой исследования и включает разделы, последовательно раскрывающие теоретические основы, историческое развитие, сравнительный анализ современного состояния и перспективы права частной собственности.

Зарождение права частной собственности

Генезис права частной собственности восходит к эпохе античности, периоду формирования рабовладельческих общественных отношений. Как обоснованно указывает отечественный историк права О.А. Омельченко, система вещных прав дифференцируется на отдельные категории в соответствии с характером и объемом правомочий субъекта по отношению к индивидуализированному объекту. Центральное место в этой системе занимает право собственности, представляющее собой наиболее полное (из возможных в данном социуме) юридическое господство над вещью. Следует отметить, что сама категория собственности является абстрактной и приобретает конкретное содержание лишь в контексте определенной правовой культуры и исторически сложившейся юридической традиции¹.

Характерно то, что на всех этапах исторического развития, включая рабовладельческую формацию, центральное место принадлежало праву частной собственности на землю. Так, в контексте эволюции римского права с момента возникновения римской государственности наблюдалась концентрация земельных ресурсов в руках патрициев, в то время как плебейское сословие, занятое в аграрном секторе, испытывало острую нехватку земельных наделов. В этой связи социально-политический конфликт между плебеями и патрициями в значительной степени предопределялся борьбой за перераспределение земельной собственности (Mommsen, 1854).

Стоит отметить, что формирование института собственности в Древнем мире носило постепенный характер и коррелировало с процессом дезинтеграции родоплеменных отношений архаического общества. Вследствие данного обстоятельства термин *dominium* на протяжении продолжительного исторического периода использовался для обозначения любого господства над объектами, интегрированными в домашнее хозяйство (*familia*). Указанное понятие охватывало более широкий спектр правовых связей, нежели собственно право собственности, поскольку последнее еще не получило четкой дифференциации от владения (*possessio*), прав на чужие вещи (*iura in re aliena*) и отношений, вытекающих из семейного права (Singer, 2014).

Согласно общему мнению, сложившемуся в современной историко-правовой науке, начиная с III в. н.э. для обозначения объектов, очерченных правовым режимом, начинает применяться термин «собственники» (англ. *proprietas*). Его использование, утвердившееся с конца классического периода, стало маркировать право собственности как полноценное и абсолютное юридическое господство лица над вещью, обладающее верховенством по отношению к иным вещным правам.

Вместе с тем даже в эпоху античности право частной собственности не носило характера абсолютной и ничем не ограниченной свободы. В Древнем Риме, будучи одним из атрибутов господствующего класса, оно могло подвергаться ограничениям в фискальных интересах государства и общества, а также в пользу сервитутов, залогодержателей и иных субъектов, обладающих правами на чужие вещи, включая права соседей (Mitteis, 1949:176–177). Иллюстрацией подобных ограничений служат положения Институций Гая (160–162 гг. н.э.). Так, параграф 14 книги II провозглашает право на запрет возведения строений сверх установленной высоты, дабы не лишать света соседнее здание, а также регламентирует право отвода воды и право прокладки водопровода². Нормативная дефиниция, содержащаяся в параграфе 44

¹ Омельченко О.А. Римское право. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ТОН-Остожье, 2000. С. 77–78.

² Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с латинского, комментарии / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. С. 75.

релевантного источника, имплементирует имманентное ограничение в контексте функционирования института приобретательной давности (лат. *usucapio*). Легитимация данного нормативного предписания детерминирована комплексом политико-правовых целей. По сути, ключевым вектором аргументации здесь выступает императивная потребность в минимизации правовой неопределенности, связанной со стабильностью вещных правоотношений в диахроническом аспекте. Длительная персистенция неопределенности в статусе субъективного права собственности признается деструктивным фактором, дестабилизирующим гражданский оборот.

Можно сказать, что сопряженной и комплементарной целью установленного хронологического барьера является легальная фиксация релевантного и социально-обоснованного срока, в течение которого управомоченный субъект (титульный собственник) обладает правомочием на осуществление виндикационного притязания. По истечении данного срока у добросовестного владельца возникает право собственности, что направлено на достижение правовой завершенности и обеспечение принципа правового мира. Таким образом, анализируемая норма выполняет дуалистическую функцию: с одной стороны, она защищает интересы первоначального собственника, предоставляя ему разумный временной промежуток для защиты своих прав, а с другой, отдает приоритет стабильности оборота, освящая сложившееся состояние владения по прошествии значительного периода времени³.

Как отмечает В.Г. Графский, в более ранний период в Древней Месопотамии законы Хаммурапи наделяли крестьянина-общинника правомочиями, приближенными к праву собственности: он был уполномочен совершать отчуждение, мену, залог, аренду и наследование своего надела как особого вида недвижимости (ст. ст. 39–47, 60–65), без необходимости испрашивать санкцию правителя или общины. В результате имущественной дифференциации образовался значительный слой обедневшего населения, вынужденного закладывать землю и иное имущество по денежным или натуральным обязательствам, отдавать в залог членов семьи, прибегать к аренде чужих земель или наемному труду. В данных условиях купля-продажа стала наиболее распространенным производным способом приобретения права собственности⁴.

Небезынтересно, что в Древней Греции отсутствовало современное понимание частной собственности как абсолютного права. Так, центральное место в имущественных отношениях занимало владение. Последнее, ни что иное как фактическое обладание вещью, которое сопряжено с возможностью распоряжаться ею. С юридической точки зрения внешнее выражение собственности очерчивалось в двух основных ипостасях: совместной (государственные латифундии и прииски, храмовые имения, общественная земля фил и демов) и частной. Последнюю, в свою очередь, можно подразделять на видимую (земля, рабы, дома и т.д.) и невидимую, к которой относились движимые ценности, которые возможно скрыть от налогообложения (деньги, предметы роскоши, драгоценные металлы и пр.). В свою очередь, легитимность владения подтверждалась ежегодным декларированием архонтами при вступлении в должность сохранения за гражданами принадлежащего им имущества. При этом распределение земельных участков (клеров), название которых восходит к жребью, обуславливало их условный характер. Здесь, на наш взгляд, важно то, что право

³ Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с латинского, комментарии / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М. : Статут, 2020. С. 83.

⁴ *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2007. С. 62–63.

собственности налагало на наиболее состоятельных граждан ряд публичных обязанностей (литургий), таких как финансирование празднеств или снаряжение военного корабля, а юридические обязательства подразделялись на вольные (возникающие из договоров) и невольные⁵.

Что касается генезиса государственности и права восточных славян, в историографии существуют различные точки зрения. Так, М.А. Исаев датирует его возникновение серединой V – концом VI в.⁶ В противоположность этому, другой ученый И.А. Исаев относит формирование древнерусской государственности и права к более позднему периоду – IX–XI столетиям, аргументируя это наличием значительного количества достоверных исторических свидетельств и памятников права⁷.

Стоит отметить, что к числу древнейших письменных источников русского права относятся тексты договоров Руси с Византией (911, 944 и 971 гг.). Данные документы содержат нормы византийского и русского права, регулирующие международные, торговые, процессуальные и уголовные отношения. Ссылки в договорах на «закон русский» свидетельствуют о существовании свода норм обычного права. В частности, статьи договоров касаются вопросов наследования (как по завещанию, так и для нисходящих и боковых родственников), а также института рабовладения, включая обязательства по возврату беглых рабов.

Принятие христианства в 988 г. способствовало расширению источников права за счет церковного законодательства. Здесь, по общему мнению историков, наибольшее влияние оказало византийское церковное право, интегрировавшее религиозные, нравственные и правовые нормы. Через Русскую церковь были реципированы два фундаментальных византийских кодекса: Свод законов патриарха Иоанна Схоластика (VI в.), систематизировавший правила церковных соборов и светские законы, касающиеся церкви, и Номоканон патриарха Фотия (конец IX в.), в котором церковные правила были соотнесены с статьями светского законодательства Юстиниана.

Таким образом, происходило объединение церковных и гражданских предписаний в единые источники права по принципу сходства содержания. На Руси в XI–XII вв. оба сборника получили название «Кормчая книга».

Развитие права частной собственности

В контексте историко-правовой ретроспективы эпоха феодализма характеризуется отсутствием радикальных новаций в регламентации правового статуса частной собственности, которая оставалась поглощенной сложной системой иерархических условных владений (феодов) и сеньориальных привилегий, что нивелировало ее автономный и абсолютный характер.

По сути, трансформация парадигмы произошла в эпоху модерна с становлением современного конституционного права, в рамках которого институт частной собственности подвергся фундаментальной реконцептуализации. Он эволюционировал в краеугольный принцип, обретая качественно новые основополагающие характеристики. При этом в демократических правопорядках он конституировался не просто как одно из множества субъективных прав, но как фундаментальное, базовое право индивида, во многом определяющее саму возможность существования автономной личности и гражданского общества. Более того, в ряде ключевых правовых актов

⁵ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2007. С. 163.

⁶ Исаев М.А. История Российского государства и права. М. : Статут, 2012. С. 13–17.

⁷ Там же. С. 11–33.

того времени он занял приоритетную, авангардную позицию, будучи первым в системе конституционно-легитимированных правовых благ.

Иллюстрацией данной тенденции служат нормативные положения, закрепленные в основополагающих конституционных документах. Так, Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов Америки 1787 г. имплицитно содержит в себе гарантию неприкосновенности собственности, устанавливая императивный запрет на изъятие частной собственности для публичных нужд без предоставления соразмерной и справедливой компенсации (Kikot-Glukhodedova, 2011:91–89). Идентичная правовая конструкция обнаруживается в статье 17 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (Франция), которая не только провозглашает неприкосновенность, но и придает собственности сакральный, священный характер, тем самым возводя ее в ранг высшей социальной ценности, защищаемой от произвольного вмешательства со стороны публичной власти. Эти акты знаменуют собой институционализацию собственности как краеугольного камня личной свободы человека и сущности правового государства. Там же допускается отчуждение собственности сугубо в рамках законной процедуры при наличии общественной необходимости и обязательной компенсации, которая должна быть предварительной и справедливой. Данные принципы были впоследствии инкорпорированы в Конституцию Франции 1793 г. (ст. ст. 16, 17, 19)⁸.

Приведенные правовые источники опровергают распространенный в советский период тезис об абсолютном характере права частной собственности. Его неабсолютность демонстрируется следующими аспектами.

1. Допускалась возможность правомерного лишения данного права.
2. Основанием для такого лишения могли служить исключительно общественные, но не частные интересы.
3. Изъятие собственности могло осуществляться лишь в установленных законом случаях при обязательном условии предварительного и справедливого возмещения, размер которого подлежал судебному определению.

Таким образом, правовой статус частной собственности, сформированный в конституциях конца XVIII – начала XIX вв., в своих базовых принципах сохранил преемственность в современном зарубежном конституционном праве. Ключевое развитие, произошедшее после Первой мировой войны, заключается в дополнении традиционных гарантий положением о социальной функции собственности. К примеру, Конституция Веймарской республики 1919 г. легитимизировала экспроприацию для целей «социальной пользы» и «общего интереса». Небезынтересно то, что автор указанного основного закона Г. Пройс видел в Конституции не застывший нормативный акт, но документ, который можно дополнять, отталкиваясь от текущих реалий общественной жизни (Preuss, 1915:15). Возможно, в контексте его взглядов статьи 89, 90 и 97 Конституции Веймарской Германии предусматривали переход в собственность империи железных дорог и водных путей сообщения, что иллюстрирует подчинение права собственности более широкому публичным задачам.

В историко-правовом измерении послевоенный период ознаменовался кардинальной трансформацией парадигмы конституционно-правового регулирования института частной собственности. Данная трансформация носила системный характер и была детерминирована комплексом социально-экономических и политических

⁸ Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. // Тихоокеанский государственный университет. Сайт. Режим доступа: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio35/ (дата обращения: 26.08.2025).

факторов, связанных с необходимостью постконфликтного восстановления и построения более стабильных общественных моделей.

Ключевым детерминантом произошедших изменений выступила повсеместная легитимация и конституционная институционализация принципа социального государства. По сути, указанный принцип предполагал переход от пассивной роли государства к его активному функционированию в качестве арбитра и гаранта социального равновесия. В этой связи произошла существенная модификация классической либеральной доктрины собственности, которая перестала трактоваться как абсолютное и ничем не ограниченное право индивида.

Следствием утверждения новой парадигмы стало значительное усиление регулятивной и интервенционистской функции государства в экономической и социальной сферах. Можно сказать, что право частной собственности стало рассматриваться не только через призму индивидуальных интересов собственника, но и в контексте его социальной функции. Подобная схема нашла свое выражение в конституционных нормах, легитимирующих возможность установления более широких ограничений, публичный контроль над использованием собственности, а также расширение оснований для ее отчуждения в публичных интересах, что в совокупности редуцировало сферу частной автономии в пользу достижения целей социальной справедливости и общего благосостояния.

Ключевой новеллой стала институционализация национализации, что нашло отражение в основных законах ряда стран. Так, статья 43 Конституции Италии 1947 г. устанавливает возможность перехода в публичную собственность (при условии компенсации) предприятий, имеющих стратегическое или монопольное значение, в целях общей пользы (Shashkova, 2019:52).

Еще одной характерной чертой данного периода является интеграция международно-правовых источников в национальные правовые системы. Данный процесс способствовал не только экспансии территориальных пределов правового регулирования, но и его унификации, а также созданию механизмов международной защиты. Принципиальное значение в этом контексте имеет статья 17 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., гарантирующая право каждого владеть имуществом и запрещающая произвольное лишение собственности⁹.

Социальная функция частной собственности

Конституции, принятые в последние десятилетия, существенным образом расширили социальную функцию частной собственности, подчеркивая аспект юридических долженствований. Например, статья 30 Конституции Республики Македония 1991 г., гарантируя право собственности и наследования, прямо устанавливает, что собственность должна служить благу индивида и сообщества, а ее изъятие допускается лишь в установленных законом случаях при обязательном справедливом возмещении (Bondarenko, 2018:107).

Детальная регламентация отношений собственности представлена в статье 44 Конституции Румынии 2003 г. Ее положения охватывают широкий спектр вопросов: гарантии прав собственности, режим иностранной собственности на землю, условия экспроприации (исключительно по мотивам общественной пользы с предварительной и справедливой компенсацией), запрет дискриминационных изъятий, порядок

⁹ Всеобщая декларация прав человека // Социология власти. 2005. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vseobschaya-deklaratsiya-prav-cheloveka-1> (дата обращения: 26.08.2025).

разрешения споров и, что особенно важно, экологические и добрососедские обязанности собственника¹⁰.

Аналогичным образом статьи 17 и 18 Конституции Греции 1975 г. содержат развернутое регулирование института экспроприации. В них детализированы процессуальные аспекты: порядок определения размера компенсации (с учетом стоимости на момент судебного разбирательства), сроки ее выплаты (во избежание автоматической отмены экспроприации), налоговый иммунитет компенсационных выплат, а также особые условия для изъятия земель для масштабных общественно значимых проектов¹¹.

В контексте генезиса правовых институтов в Российской империи первоначальная легитимация терминологической конструкции «частная собственность» хронологически соотносится с эпохой правления Екатерины II, приходящейся на заключительную треть XVIII столетия. Данный период ознаменовался активной рецепцией западноевропейских правовых идей и попытками систематизации законодательства.

Ключевым нормативно-правовым актом, сыгравшим роль катализатора в процессе институционализации данного понятия, выступил манифест «О свободе промыслов». Указанный документ обладает существенной историко-правовой значимостью, поскольку он не только номинально ввел в юридический оборот рассматриваемую категорию, но и осуществил экспликацию ее содержания, распространив правомочия частного собственника как на объекты, расположенные на поверхности земельного участка, так и на ресурсы, залегающие в его недрах¹². Это установление де-юре модифицировало существовавший ранее правовой режим, заложив основы для признания исключительности и универсальности вещных прав.

Несмотря на столь раннюю формальную легализацию, в дальнейшем развитии отечественной конституционно-правовой мысли не наблюдалось системного и репрезентативного анализа данной фундаментальной категории. Можно предположить, что ее доктринальное осмысление и место в системе публичного права не были подвергнуты всесторонней концептуализации, что обусловило известный теоретический вакуум и фрагментарность в понимании ее юридической природы в дореволюционный период. Таким образом, между фактом нормативного закрепления и уровнем его последующей научной рефлексии возникла значимая диспропорция.

Расширение хронологических рамок исследования демонстрирует, что упоминания об институте частной собственности присутствуют в правовых источниках с глубокой древности. При этом несмотря на универсальность базовых принципов его правового оформления в законодательстве различных государств наблюдаются существенные национальные особенности. Данные особенности детерминированы спецификой регионального, религиозного и исторического развития, что формирует уникальный правовой режим этого института в каждой стране.

Конституционно-правовое регулирование частной собственности

Несмотря на длительную историю существования института частной собственности, его законодательное регулирование в научной литературе освещено фрагментарно. При анализе публикаций можно сказать, что в своем большинстве научные

¹⁰ Конституция Румынии 2003 года // *Constituția României*. Сайт. Режим доступа: <https://romanianpass.com/konstitutsiya-rumynii/> (дата обращения: 26.08.2025).

¹¹ Конституция Республики Греция от 9 июня 1975 года // Библиотекарь.Ру. Сайт. Режим доступа: <https://bibliotekar.ru/3-1-11-konstitucii/90.htm> (дата обращения: 26.08.2025).

¹² *Илларионова Т.И., Гонгало Б.М., Плетнев В.А.* Гражданское право. М. : Норма, 2008. 464 с.

исследования охватывают в основном лишь отдельные направления указанной проблемы. В частности, А.М. Осавелюк не выходит за рамки общих спецификаций и анализа эволюции всей системы прав и свобод¹³. В то же время В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев, а также авторы учебника под редакцией Б.А. Страшуна исследуют развитие права частной собственности в общем контексте эволюции субъективных прав и свобод личности. В свою очередь, авторский коллектив учебника «Конституционное право России» под редакцией Б.С. Эбзеева и А.С. Прудникова заостряет внимание сугубо на правовом инструментарии обеспечения субъективных прав и свобод¹⁴ (Chirkin, 2015:25–36). Таким образом, комплексный анализ института частной собственности в существующих исследованиях отсутствует. Указанный пробел обусловил цель настоящей работы, которая заключается в сравнительном анализе эволюции права частной собственности в России и в зарубежных государствах.

Как было установлено, первоначальное конституционное закрепление права частной собственности, начавшееся с конца XVIII в., осуществлялось в качестве самостоятельного правового института, а не в качестве экономической основы, как это трактовалось в советский период. Кроме того, поскольку частная собственность являлась ключевым фундаментом материальной базы человека, основные законы закрепляли запрет на ее изъятие (в том числе для общественных нужд) без предварительного и справедливого возмещения.

Последующий фазис историко-правовой эволюции, хронологические рамки которого охватывают период с середины – второй половины XIX столетия вплоть до рубежа XX в., был ознаменован процессом существенной концептуальной конвергенции института права частной собственности с иными категориями экономических прав субъектов. Наиболее репрезентативным в данном контексте представляется его тесное взаимодействие и взаимовлияние с формирующимся правом на труд. Указанная тенденция отражала общую концептуальную трансформацию от классической либеральной модели абсолютного права собственности к модели, детерминированной принципом социальной функции.

Нормативной проекцией указанной коллаборации выступила интенсивная законодательная деятельность в конце XIX – начале XX столетий в ряде ведущих западных правопорядков, включая Германию, Великобританию, Францию и Соединенные Штаты Америки. В этот период был принят широкий спектр нормативных актов, целью которых выступало установление легальных ограничений для реализации собственнических правомочий в социально-экономической сфере. Данное регулирование, в частности, регламентировало пределы допустимой эксплуатации наемного труда (посредством установления продолжительности рабочего дня, норм охраны труда) и вводило лимиты на концентрацию земельной собственности, что знаменовало собой интервенцию публично-правовых начал в частнопровые отношения (Chirkin, 2015:33–34).

В контексте Российской империи рассматриваемый период также характеризуется наличием релевантных нормативных тенденций. Несмотря на специфику общественно-политического устройства, здесь можно фиксировать становление развитого для своего времени социально-трудового законодательства, а также реализацию масштабной аграрной реформы под руководством П.А. Столыпина. Целью

¹³ Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран. СПб. : Лань, 2019. С. 61, 65.

¹⁴ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 198-205; Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М. : Проспект, 2019. С. 393-396. <https://doi.org/10.31085/9785392292240-2019-768> EDN: SNIQHP.

последней являлось не только повышение эффективности аграрного сектора, но и целенаправленное преобразование структуры земельной собственности через стимулирование создания класса собственников-фермеров, что объективно вело к ограничению общинного землевладения и, следовательно, также отражало общемировую тенденцию активного государственного регулирования отношений собственности в публичных интересах (Belkharoev, 2009:32–33).

Третий этап (начало XX в. – середина 1970-х гг.) характеризуется методологической дивергенцией правового положения частных собственников. Важно то, что в демократических правовых порядках с рыночной экономикой нормативный акцент реализовал существенный дрейф с установления пределов размера собственности к провозглашению ее социальной направленности. Важно, на наш взгляд, то, что первичная легитимация рассмотренной выше парадигмы, связывающей право собственности с его социальной функцией, нашла свое первоначальное конституционное воплощение в нормативной структуре Веймарской конституции Германии 1919 г., которая выступила своеобразным правовым манифестом социального государства. В послевоенный период данная концепция приобрела универсальный характер, будучи инкорпорированной в основополагающие конституционные акты целого ряда государств, что свидетельствует о ее трансформации в общемировой конституционно-правовой стандарт. Релевантные положения, устанавливающие обязанности собственника и ограничения в публичных интересах, были эксплицитно закреплены в Основном законе ФРГ 1949 г. (статья 14), Конституции Греции 1975 г. (статья 17), а также в Конституции Индии 1949 г. (статьи 38, 39), демонстрируя тем самым свою адаптивность к различным правовым культурам и политическим системам.

Параллельно указанному вектору развития в рамках недемократических правовых порядков XX в. наблюдалась диаметрально противоположная тенденция, направленная на нормативную фиксацию не ограничения, но полной ликвидации либо радикального свертывания института частной собственности. Наиболее репрезентативным примером здесь выступает советская правовая модель. В Советской России последовательная аннигиляция данного института была инициирована такими актами, как Декрет о земле (1917 г.) и Декрет об отмене частной собственности в городах (1918 г.), а в дальнейшем получила тотальное конституционное закрепление в основных законах РСФСР 1918 г., СССР 1924, 1936 и 1977 гг.. Данный нормативный массив ознаменовал собой нуллификацию многовекового историко-правового опыта реформирования, связанного с частной собственностью, утвердив режим ее юридического ostracism и тотального запрета (Timofeev, 2000:55).

Идеологический генезис столь радикального подхода непосредственно восходит к базовой доктринальной установке, сформулированной в классическом марксизме: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Marks & Ehngel's, 1976:12), впервые опубликованной в «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. В данном контексте представляется методологически важным акцентировать, что социализм в его советской интерпретации, как экономико-политическая система, базирующаяся на абсолютной монополии государственной собственности, однопартийной диктатуре и системном запрете частнособственнических отношений, представляет собой не что иное, как практическую реализацию данной фундаментальной доктринальной формулы, доведенной до уровня тотального правового императива. Данный подход обладает существенным методологическим изъяном: он предполагает, что исторический процесс в таких обществах детерминирован исключительно директивной волей, сформулированной в

учении. Это приводит к тавтологическому выводу, согласно которому сущность социалистической системы исчерпывается целями и достижениями правящей партии (Grossman, 1977; Grossman, 1983; Katsenelinboigen, 1977:65–66; Mars, 1983:551; Montias, 1981; Simis, 1982; Wiles, 1983:549–550).

В рамках сравнительно-правового анализа представляет интерес эволюция конституционного регулирования института собственности в социалистических государствах.

Так, Конституция СССР 1977 г. закрепляла три формы собственности: государственную, колхозно-кооперативную и личную. Согласно статье 10, основу экономической системы составляла социалистическая собственность на средства производства, существовавшая в государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной формах. Ее правовой режим характеризовался особой охраной со стороны государства, запретом извлечения нетрудовых доходов и недопустимостью использования в корыстных целях.

Правовой статус личной собственности граждан определялся статьей 13 Основного закона СССР. Ее основу составляли трудовые доходы, а в круг объектов входили предметы потребления, жилой дом и трудовые сбережения. Ключевой особенностью являлся сугубо потребительский характер: законодатель прямо запрещал использование данного имущества для извлечения нетрудовых доходов или в ущерб интересам общества¹⁵.

Здесь, на наш взгляд, важно то, что применение нормативного подхода к осмыслению сущности социалистических учений приводит исследователей (в частности, представителей экономической теории) к дефинитивному усложнению указанной проблематике. И действительно, в плоскости экономических учений сложно обосновать необходимость в постулировании трех базовых принципов (власть партии, запрет частной собственности и доминирование общественной собственности), ибо подобное явление может быть в полной мере детерминировано через один единственный ключевой атрибут – запрет права частной собственности.

В контексте предложенной методологической парадигмы политическую власть правомерно интерпретировать в качестве надстроечной правовой категории, выполняющей функцию ключевого инструментария для легитимации и консолидации определенного правового режима, который, в свою очередь, детерминирует статус и содержание права собственности. Историко-правовой анализ теории и практики тоталитарных режимов демонстрирует, что сущностное содержание диктатуры коммунистической партии редуцируется к последовательной и тотальной имплементации нормативного запрета на существование частной собственности.

Установление режима нормативного остракизма в отношении права частной собственности имплицитно влечет за собой трансформацию всего национального богатства в объект публично-правового регулирования, тем самым придавая ему характер универсальной публичной собственности. По сути, обнаруживается и наличие обратной детерминационной связи: нормативная актуализация запрета частной собственности объективно может быть осуществлена исключительно посредством механизмов политической диктатуры, обеспечивающих монополизацию властных полномочий. Интенсивность, масштаб и глубина купирования правомочий частного собственника находятся в прямой корреляционной зависимости от степени

¹⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Исторический факультет МГУ. Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 30.08.2025).

тотальности и эффективности функционирования указанной тоталитарной системы. Таким образом, сама дефиниция политической диктатуры находит свое непосредственное и логически необходимое отражение в содержании понятия запрета частного владения.

Исходя из вышеизложенного, первостепенная исследовательская задача заключается в проведении комплексного анализа конкретных механизмов и масштабов практической реализации доктринальной установки на запрет частной собственности в правовой системе советского государства. Можно сказать, что любой системный анализ социалистической доктрины должен базироваться не на экзегетике политических лозунгов, а на точной научной дефиниции непосредственного объекта запрета, каковым выступает собственно право собственности во всей полноте его содержания.

В общепринятом цивилистическом понимании собственность репрезентирует собой комплексное право, включающее правомочие и фактическую возможность свободного распоряжения экономическими благами. Однако в методологическом плане представляется важным проведение четкой демаркации между формальным юридическим правом, санкционированным нормами позитивного права, и реальной экономической возможностью его осуществления. Действительно, с догматической точки зрения институт владения как юридический титул не является тождественным фактической, экономически обусловленной возможности автономного распоряжения соответствующим благом, что особенно рельефно проявляется в условиях государственной экономики, где юридические конструкции зачастую маскируют реальное распределение экономической власти. С другой стороны, экономически релевантным выступает фактическое (натуральное) обладание благом, в то время как юридические нормы реализуют факультативную функцию, обеспечивая лишь легитимацию приобретения, сохранения и возврата указанного блага.

Иной подход демонстрирует Конституция КНР 1982 г. (в последующих редакциях). Несмотря на провозглашение священности и неприкосновенности социалистической общественной собственности (ст. 12), она в ограниченном объеме допускает частную собственность. Статья 11 признает необщественный сектор экономики важной составляющей социалистического рыночного хозяйства. При этом правовой режим дифференцирован: в то время как государственная и коллективная собственность охраняется безусловно (ст. 12), частная собственность граждан защищается в рамках закона, но может быть ограничена государством для общественных нужд при условии компенсации (ст. 13)¹⁶.

Следующим этапом эволюции правового регулирования частной собственности стала ее интернационализация во второй половине XX в. Данный процесс выразился в ратификации СССР ряда международных актов, таких как Международный пакт 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах и Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Принципиальное значение приобрели положения статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1952 г., которые закрепили право каждого на уважение своей собственности и установили, что лишение имущества возможно лишь в общественных интересах, на условиях, предусмотренных законом и международным правом.

¹⁶ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Окно в Китай. Сайт. Режим доступа: https://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 30.08.2025).

Несмотря на то, что Конституция РФ (ст. ст. 8, 35) прямо не закрепляет норму о социальной функции частной собственности¹⁷, данный пробел в правовом регулировании был частично восполнен посредством правовых позиций Конституционного Суда РФ и последующего законодательного развития, принятого во исполнение его постановлений. Как обоснованно отмечает в своих исследованиях Н.С. Бондарь, Конституционный Суд Российской Федерации в своей правоприменительной практике уделяет значительное внимание делам, возникающим в экономико-правовой сфере. Эмпирические данные свидетельствуют, что на рассмотрение вопросов, связанных с отношениями собственности, процессами приватизации, институтом банкротства, а также налогового, таможенного и валютного регулирования, приходится более трети от общего массива вынесенных Судом постановлений (Bondar, 2017:115), что подчеркивает центральную роль конституционной юстиции в формировании стабильного правопорядка в экономике.

Следует констатировать, что под конвергентным воздействием внутригосударственного конституционно-правового и международно-правового регулирования социальная функция права частной собственности приобрела унифицированное нормативное содержание, универсальные механизмы имплементации и эффективные средства обеспечения в рамках территориальной юрисдикции всех государств-участников, ратифицировавших соответствующие международно-правовые договоры. При этом в контексте разрешения правовых коллизий, данное правомочие, наряду с национальными организационно-юридическими гарантиями, обеспечивается комплексным международно-правовым инструментарием. Столь высокий уровень нормативной защиты детерминирован, прежде всего, фундаментальным социальным значением частной собственности, которая выступает краеугольным камнем материального благосостояния и стабильности физического существования индивида.

Думается, что наиболее важным аспектом представляется системная взаимосвязь права частной собственности с иными экономическими правами, где оно выполняет роль базовой институциональной предпосылки для реализации широкого спектра конституционных прав и свобод. К их числу относятся право на труд, на достойный уровень жизни, на свободу предпринимательской деятельности, право на жилище и другие (статьи 8, 34, 37, 40 Конституции РФ). Учитывая данную функциональную взаимозависимость, современная конституционно-правовая доктрина избегает рудиментарного провозглашения данного правомочия, детализируя его объектный и субъектный состав, устанавливая легальные пределы и основания для его ограничения, а также разрабатывая эффективные гарантии и механизмы судебной и внесудебной защиты. Таким образом, в текстах основных законов фиксируется не только само субъективное право частной собственности, но и его ключевые спецификации как комплексного института правового регулирования, включая соотношение с иными формами собственности и, что особенно значимо, его социальную направленность.

В подтверждение данного тезиса анализ нормативных предписаний статьи 60 Конституции Республики Армения 2015 г. позволяет сделать вывод о комплексном характере современного конституционного регулирования права частной собственности, которое интегрирует в себя как гарантии неприкосновенности, так и четко артикулированные общественные обязанности собственника, отражая тем

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.08.2025).

самым баланс частных и публичных интересов в рамках социального правового государства. Оно включает не только традиционные элементы – право владения, пользования и распоряжения имуществом, право наследования (ч. 1, 2), – но и устанавливает исчерпывающие правовые основания для его ограничения (ч. 3), гарантии судебной защиты (ч. 4) и правила принудительного отчуждения с обязательной компенсацией (ч. 5). Отдельно регламентированы специальные режимы для иностранцев (ч. 6), интеллектуальной собственности (ч. 7) и фискальные обязательства собственника (ч. 8)¹⁸.

Современный этап эволюции права частной собственности характеризуется не только его глубокой институционализацией на уровне национальных конституций и формированием системы международных гарантий, но и кристаллизацией устойчивых векторов его дальнейшего развития. В данном контексте вызывает научную дискуссию позиция Л. Р. Бухоновой, которая в качестве ключевых детерминант данного процесса выделяет усиление социальной функции, редукцию конституционных гарантий, вытеснение индивидуальной собственности корпоративными формами и экспансию круга ее объектов (Bukhonova, 2016:52–53). Представляется, что предложенная классификация требует критического осмысления и существенной корректировки.

Во-первых, авторский анализ феномена усиления социальной функции собственности не учитывает ее пространственного (трансграничного) измерения, обеспечиваемого через механизмы международно-правовой регуляции – как договорные, так и институциональные. Важно отметить, что Российская Федерация выступает активным субъектом в процессе выработки данных наднациональных стандартов.

Во-вторых, тезис об ослаблении конституционно-правовых гарантий частной собственности представляется не вполне релевантным современным правовым реалиям. Эмпирические данные свидетельствуют об обратном процессе – их последовательном юридическом и организационном укреплении. Эта тенденция детерминирована не только социальной природой отечественного правопорядка, закрепленной в статье 7 Конституции РФ, но и конституционными новеллами 2020 г., которые существенно расширили компетенцию публичной власти в сферах экономической, социальной и экологической политики (статьи 71, 72, 75, 75.1, 114 Конституции РФ). Указанная позиция находит свое подтверждение в устойчивой правоприменительной практике Конституционного Суда РФ, а также в действии системы международных гарантий.

В-третьих, постулируемая тенденция ослабления индивидуальной частной собственности на фоне роста корпоративных форм владения также выглядит дискуссионной. Рост значения корпоративной собственности далеко не всегда является следствием прямого вытеснения индивидуальной; он может быть обусловлен объективными факторами технологического прогресса, роста производительности труда и масштабной цифровой трансформации экономических отношений, порождающих новые, более сложные формы организации бизнеса.

Помимо этого, представляется методологически оправданным выделение самостоятельного тренда интернационализации регулирования права частной собственности. Думается, что его современное конституционное закрепление в национальных правопорядках осуществляется с активным учетом сравнительно-правового опыта, а в послевоенный период – и под прямым влиянием международного права.

¹⁸ Конституция Республики Армения 2015 года // Сайт Президента Республики Армения. Режим доступа: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 30.08.2025).

Отечественная практика государственно-правового строительства полностью соответствует данной глобальной тенденции, что находит свое прямое нормативное выражение в части 1 статьи 17 Конституции РФ, провозглашающей признание и гарантирование прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Заключение

В заключение представляется необходимым констатировать, что, начиная с финальной трети XVIII столетия, ознаменовавшейся эпохой первых революций и становлением современного конституционализма, наблюдается фундаментальная институциональная трансформация сущности и правового режима частной собственности. Данный процесс носил перманентный и прогрессирующий характер, приведя к концептуальному сдвигу в ее социально-правовом восприятии. Если изначально в классической либеральной доктрине собственность трактовалась как сугубо индивидуальное, абсолютное и исключительное правомочие, являющееся основным источником автономного благосостояния индивида, то в процессе эволюции она в значительной степени приобрела характеристики коллективного правового блага.

Сущностная метаморфоза заключается в переходе от модели неограниченного господства к концепции собственности, обремененной социальной функцией. Это трансформировало ее в институт, опосредующий не только индивидуальные, но и общественные интересы, что объективно усилило социальную коммуникацию и консолидировало общество, создав новые правовые основания для солидарности и взаимодействия между различными социальными группами. Подобная эволюция в значительной степени детерминирована целенаправленной конституционно-правовой регуляцией и последовательной социально ориентированной политикой, реализуемой в рамках современных демократических правопорядков. Государство, выступая в роли гаранта социального равновесия, возлагает на собственников легальную обязанность по реализации социальной функции собственности, устанавливая правовые пределы ее использования в публичных интересах.

Важно подчеркнуть диалектический характер данной трансформации: параллельно с увеличением объема публичных обязательств, возлагаемых на собственника, наблюдается значительное усиление уровня защиты его субъективного права от произвольного вмешательства. Подобное является не ослаблением, а качественной модификацией гарантий, их адаптацией к новой социальной парадигме. Такой баланс обеспечивается, в частности, посредством эффективной деятельности органов конституционного правосудия, которые в своих решениях осуществляют взвешенную пропорциональную оценку соотношения частных и публичных интересов. Дополнительным кластером защиты выступают непосредственные положения национальных Основных Законов, закрепляющие принципы неприкосновенности собственности и правовые условия ее ограничения, а также развитая система международных гарантий, имплементированных в национальные правопорядки.

Как это наглядно предусмотрено, например, частью 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, современный правопорядок создает многоуровневый механизм охраны права собственности. Таким образом, институт частной собственности в XXI веке представляет собой сложный симбиоз индивидуального правомочия и социального института, динамичное развитие которого продолжает определять контуры современных экономических и правовых систем, обеспечивая как индивидуальную автономию, так и общественный прогресс.

References / Список литературы

- Belkharoev, H. U. (2009) The agrarian reform of P.A. Stolypin. *Problems of Economics and Legal Practice*. (5), 32–34. (In Russian). EDN: LMAQMX.
Белхароев Х. У. Аграрная реформа П. А. Столыпина // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 32–34. EDN: LMAQMX.
- Bondar, N. S. (2017) *Economic constitutionalism of Russia. Essays on theory and practice*. Moscow, Norma-Infra-M Publ. (In Russian).
Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М. : Норма-Инфра-М, 2017. 304 с.
- Bondarenko, N. L. (2018) Social function of property rights in the context of the constitutional principle of its inviolability. *Bulletin of Tomsk State University. Right*. (28), 106–116. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/22253513/28/10> EDN: UTOLDY.
Бондаренко Н.Л. Социальная функция права собственности в контексте конституционного принципа ее неприкосновенности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28. С. 106–116. <https://doi.org/10.17223/22253513/28/10> EDN: UTOLDY.
- Bukhonova, L.F. (2016) Tendencies and perspectives of the development of the constitutional right to private property in the modern world. *Actual problems of Russian law*. (1 (62)), 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057> EDN: VUTNHP.
Бухонова Л.Ф. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 50–57. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057> EDN: VUTNHP.
- Chirkin, V.E. (2015) The right of private property. Constitutional evolution. *Journal of Russian Law*. (4), 25–36. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/10446> EDN: TQSVLJ.
Чиркин В. Е. Право частной собственности: конституционная эволюция // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 25–36. <https://doi.org/10.12737/10446> EDN: TQSVLJ.
- Garner, B. A. (1987) *A dictionary of modern legal usage*. New York, Oxford Publ.
- Grossman, G. (1977) The second Economy of the USSR. *Problems of Communism*. 26 (5), 25–40.
- Grossman, G. (1983) *The 'shadow economy' in the socialist sector of the USSR. The CMEA five year plans (1981–1985) in a new perspective*. Brussels, NATO, Economic and Information Directorates Publ.
- Katsenelinboigen, A. (1977) Coloured markets in the Soviet Union. *Europe-Asia Studies*. 29 (1), 62–85. <https://doi.org/10.1080/09668137708411106>
- Kikot-Glukhodedova, T.V. (2011) Features of the creation of the constitution in the USA. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (7), 88–91. (In Russian). EDN: OMBGER.
Кикоть-Глухodedова Т.В. Особенности создания конституции в США // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 88–91. EDN: OMBGER.
- Marks, K. & Ehngel's, F. (1976) *The Manifesto of the Communist Party*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1976. 64 с.
- Mars, G. & Altman, Y. (1983) The cultural bases of Soviet Georgia's second economy. *Soviet Studies*. 35 (4), 546–560. <https://doi.org/10.1080/09668138308411503>
- Mommsen, T. (1854) *Römische Geschichte. Band 1: Bis zur Schlacht von Pydna [Roman history. Vol. 1: Until the Battle of Pydna]*. Berlin, Weidmann Publ. (In German).
- Montias, J.M. & Rose-Ackerman, S. (1981) Corruption in a Soviet-type economy: Theoretical considerations. In: Rosefield, S. (ed.) *Economic welfare and the economics of Soviet Socialism: essays in honor of Abraham Bergson*. New York, Cambridge University Press.
- Mitteis, H. (1949) *Deutsche Rechtsgeschichte [German legal History]*. München, Biederstein Publ. (In German).
- Preuss, H. (1915) *Das deutsche Volk und die Politik [The German people and politics]*. Berlin, Metropol Publ. (In German).
- Simis, K. (1982) *USSR: the corrupt society*. New York, Simon and Schuster Publ.

- Singer, J. W. (2014) *Property Law: Rules, Policies & Practices*. Aspen, Wolters Kluwer Law & Business Publ.
- Shashkova, A.V. (2019) Overview of the rights, freedoms and duties of the individual in Italy. *Law and the State: theory and practice*. (2 (170)), 51–53. (In Russian). EDN: STBBUP.
Шашкова А. В. Общий обзор прав, свобод и обязанностей личности в Италии // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С. 51–53. EDN: STBBUP.
- Timofeev, L.M. (2000) Property law in the USSR. Communist doctrine and shadow reality. *Russia and the modern world*. (4 (29)), 53–66. (In Russian). EDN: BBVYKH.
Тимофеев Л. М. Право собственности в СССР: коммунистическая доктрина и теневая реальность // Россия и современный мир. 2000. № 4 (29). С. 53–66. EDN: BBVYKH.
- Wiles, P. (1983) What we still don't know about the Soviet economy. *CMEA five year plans (1981–1985) in a new perspective*. Brussels (NATO). 35 (4), 546–560.

Сведения об авторах:

Саудаханов Марат Вильданович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры муниципального права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1117-8117; SPIN-код: 1920-1554

e-mail: viento_del_norte@bk.ru

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-код: 9107-0406

e-mail: Levanbook@gmail.com

About the authors:

Marat V. Saudakhanov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Municipal Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1117-8117; SPIN-code: 1920-1554

e-mail: viento_del_norte@bk.ru

Levan T. Chikhladze – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Municipal Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str, Moscow 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-code: 9107-0406

e-mail: Levanbook@gmail.com